
Теодор ГАЛЬПЕРИН

ТОГДА В ИЕРУСАЛИМЕ...

Рассказ

Царствие Божие внутри вас есть.

Евангелие от Луки 17.21

С детства не было у меня обостренного чувства смерти, с тех военных лет, когда репродукторы пели «а до смерти четыре шага» и другие трагические строчки песен той поры, говорящие о близости, порой неизбежности этой самой смерти. Приходили похоронки, сообщения о без вести пропавших — на тонкой, полупрозрачной папиросной бумаге, смерть была чем-то совсем обыденным, она жила где-то рядом...

Поколение моих родителей и детей этого поколения, воспитанное на материализме и марксистско-ленинской философии, не было религиозным, не признавало Бога, а суеверия — боязнь чертей и привидений — воспринимало как пережитки прошлого. Я мог в темное время суток без боязни пробежать по кладбищу... Да, обостренное чувство смерти не посещало.

Но когда в двадцать шесть лет я оказался на границе жизни, все во мне восстало, воспротивилось...

Окончивший недавно физический факультет, только начинающий заниматься интересными новыми проблемами физики усилительных приборов, полный творческой энергии ученого, — и вот... Два года женат на моей однокурснице Галочке, у нас годовалый сын Боря (Бориска, Боречка)...

Нет, нет! Умирать совсем не время, обидно, глупо...

Не стал бы я доверять бумаге эту историю, если бы эта самая трудная, трагическая часть моей жизни не совпала бы со временем от Рождества Христова до Воскресения Христа, Пасхи, если бы вскоре серьезно не завлекли мою душу образы Библии — Ветхого и Нового Заветов, если бы не возникла у меня некоторая версия до сих пор необъясненного явления — Воскресения Иисуса.

Все началось с очень сильных морозов в Ленинграде, когда почти за месяц до Крещения температура достигала минус тридцать два градуса. С Васильевского острова, из Гавани, где мы с Галочкой недавно построили кооперативную квартиру, до моего тогдашнего места работы — ОКБ завода «Светлана» — тогда колесил только сороковой трамвай, два вагончика старого образца, двери в этих допотопных вагончиках неплотно прилегали и закрывались вручную, скользя подшипниками по направляющим, отопления практически не ощущалось. В трамвае был настоящий холодильник.

Теодор Борисович Гальперин — петербургский поэт, автор-исполнитель. Инженер-физик, кандидат технических наук, специалист в области авиационного приборостроения. Заслуженный изобретатель РФ. Член Российского Союза профессиональных литераторов. Автор многочисленных публикаций в российских литературных и научных изданиях, книги поэтических текстов «Сюжеты любви» («Арт-Экспресс», 2016), семи сборников песен («Композитор», 2001–2020), семи аудиоальбомов. Публиковался в журнале «Нева» и других петербургских и московских журналах, учебнике «Звучащий город».

В половине седьмого я уже должен был выбегать из дому, хлебнув чайку с бутербродом. Больше часа тарахтел по рельсам трамвай, а мне еще по территории завода топтать минут пятнадцать-двадцать. Чтобы не превратиться в заморозку, я пританцовывал на площадке, постоянно закрывая дверь вагона, произвольно скользящую из закрыто-открытого состояния.

И простудился незадолго до Нового года. Высоченная температура не снижалась от прописанных участковым эскулапом пилюль, от диагноза ОРЗ-грипп перешли к воспалению легких и отправили в больницу двадцать девятого декабря, в день рождения сына.

Рентген, антибиотики, Новый год в больнице — температура упала — снова рентген, и вроде в легких норма, сняли кардиограмму. По самочувствию был уже на уровне, играл в шахматы с соседом по палате. Прибежала взволнованная сестра: «Ложись, у тебя — инфаркт». — «Это шутка?» — переспросил я. «Какая шутка, ложись!»

Меня перевели в другую, малонаселенную палату, всего шесть человек, где койки были разделены только тумбочками, а холодильником служило пространство между двумя рамами окна.

Потекли ужасные четыре месяца.

Вставать мне не разрешалось (такова в те времена была методика лечения). Санитарка ставила еду на грудь, я ложкой заливал в себя суп, частично проливая его себе за шиворот...

Уже больше месяца существую в больнице, но точный диагноз еще не поставлен.

Наталья Борисовна, светлая женщина, замечательный кардиолог, определила, что у меня не инфаркт, а миокардит (воспаление сердечной мышцы). Но от лежачего режима в легких образовались инфильтраты, снова — воспаление легких и подозрение на туберкулез. Мнения врачей разошлись — что первично, что вторично? — сердце или легкие. Собирались травить лекарством от туберкулеза, и тогда меня бы уже не было.

Пригласили консультанта-профессора. Старенький еврей только простучал меня пальцами: «Туберкулеза у вас нет, молодой человек, пора выздоравливать». Он же и поставил правильный диагноз — инфекционно-аллергический миокардит. (К сожалению, не запомнил фамилию этого прекрасного доктора.)

Самочувствие такое, что и самого себя не ощущаю: исхудал, ночью сильно потею, надо сменять за ночь по восемь рубаш. Санитарка ночью одна на отделение, так и лежу, часто не дождавшись ее, в мокром и еще больше простужаюсь. Мне все хуже.

Больница (тогда она громко именовалась имени В. И. Ленина, а ныне Покровская) недалеко от нашего дома.

Галочка начала дежурить у меня по ночам, сменяя рубашки. Утром она, сонная, бежала на работу, забросив сына в ясли. И было счастье, счастье быть рядом — мы любили друг друга с первого студенческого дня уже семь лет. Но я видел: она не выдерживает такой режим, да и сынок в яслях, как обычно, заболел. Мне оставалось только просить ее не приходить!

Тогда моя мама, София Михайловна, ей всего сорок шесть лет, весьма занятая на своей работе, далеко добираясь до этой работы, принимает решение взять отпуск за свой счет и дежурить по ночам у моей постели почти круглосуточно, сменять рубашки и кормить меня обедом и ужином.

Мама была очень активная, умеющая преодолевать трудности...

Через месяц моего пребывания в больнице родители забили тревогу. Отец, Борис Соломонович, привел консультанта из Военно-медицинской академии. Мама в день Восьмого марта позвонила (не знаю, как она добыла телефон) знаменитому кардиоло-

гу профессору Кедрову. И сказала: «Сегодня, в женский праздник, вы не можете мне отказать, посмотрите моего сына». И Кедров приехал, и посмотрел, и подкорректировал назначения.

И вот ночами мама — у моей постели. Я обильно потею, пульс до ста пятидесяти, порой теряю сознание, падаю в какую-то невесомость и лечу по темному тоннелю, где в конце едва брезжит что-то похожее на начало рассвета.

Спустя годы я прочел сборник статей на тему «Жизнь после смерти». Да, именно так, как рассказано в нем, уходил из жизни в полете через этот темный тоннель и возвращался к жизни через этот рассвет. Ощущал: какое-то приятное тепло обволакивает мое тело — и открывал глаза. Видел мою маму, ее пронзительный, сострадательный взгляд. Всегда веселая, молодая, а сейчас бледная, похудевшая, состарившаяся.

На пороге сознания я старался вспоминать мои детские годы, когда говорил маме: «Мамочка — ты самая красивая!» Вспоминал ее ласку и заботу, особенно когда болел многими детскими болезнями.

«Нет, нет, — твердил я сквозь забытие, — не имею права умереть! Это просто убьет маму».

И вновь выходил-вылетал из проклятого тоннеля под воздействием исцеляющего маминого взгляда, ее теплых рук, сменяющих очередную рубашку, ее энергетики, от которой по моему телу разливалось спасительное тепло.

Начал поправляться, но только через два месяца смог встать, ослабевший, исхудавший.

Пришел я в больницу на своих ногах, а вывезли меня на коляске и подняли на руках на третий этаж.

Далее началась борьба за жизнь на Земле. Лето мы с Галочкой и сыном провели на съемной даче в Комарово. Я учился ходить, наращивая ежедневно дистанцию. Галочка с Бориской в коляске сопровождала меня. Живительный хвойно-морской балтийский воздух Комарово, любовь жены и сына, мое упрямство в преодолении, которое здесь оказалось очень кстати, возвращали силы для жизни.

Я отказался от инвалидности. Не буду описывать подробности, на эту тему есть много других повествований. Воля и цель в жизни!

Осенью я вышел на работу.

Но уже на другую — недалеко от нашего дома, в институт военно-промышленного комплекса, направление которого состояло в исследовании и разработке авиационной аппаратуры — средств навигации, взлета и посадки самолетов и вертолетов, а позже — и космических аппаратов.

В те времена институты ВПК могли заниматься разносторонней тематикой, велись перспективные исследования по смежным наукам: увлекались бионикой, твердотельной полупроводниковой технологией, технологиями тонких и толстых пленок...

Выдали мне тему, необходимую тогда для снижения нестабильности систем отображения информации у пилотов и авиадиспетчеров. Она была из новой области электроники — электроники электролитов, иначе — ионики.

Повезло! Тема была новая, удалось открыть новый эффект и новые возможности в электролитическом усилительном приборе, придуманном одним из лауреатов Нобелевской премии.

Моими работами заинтересовались в одном из академических институтов в Москве, приняли почти без экзаменов в заочную аспирантуру.

Повезло и с руководителем — им стал молодой профессор кафедры математической физики МГУ, теоретик Владимир Дмитриев. Он помог мне сделать теорию нового эффекта (я назвал его «биполярным»), на основе теоретических вычислений обнаружили еще два новых эффекта. Защитился единогласно.

На защиту в Москву приехала моя Галочка. Я был похож на бутылку открытого искристого, из которого фонтанируют потоки счастья, и мы с Галочкой распили это счастье на двоих.

Мы остались дружны с Дмитриевым. Работали над монографией «Теоретические основы электроники электролитов». При любом удобном случае заезжал к нему в Москву.

Все эти годы шла борьба за мое здоровое сердце, и главным врачом и другом была незабвенная Наталья Борисовна. Неяркая, с виду неприметная одинокая женщина, но врач от Бога. Она умело крутила баранку моего сердца, и оно стучало в нужном ритме.

Меня стало интересовать развитие темы диссертации — в область биофизики. Электролитические ячейки с диффузионными барьерами, из которых состоят приборы с электронными свойствами, по энергетике — напряжениям и токам — подобны нервным клеткам, нейронам. Какова же природа памяти человека? Откуда невероятная способность хранения огромного количества информации в столь маленьком человеческом мозге? И вот — набрел на работу, где эта загадка объяснялась голографическим полем, образованным взаимодействием лазерного излучения множества нейронов.

И тихо вызрела догадка: может быть, сакральная, мистическая связь между матерью и ребенком образуется в утробе матери и с перерезанием пуповины не исчезает. И мать может воздействовать своим голографическим полем мозга на дитя и после рождения, возбуждая мозг и вызывая резонанс в голографическом поле ребенка. Тем сильнее, чем труднее были роды, больше интеллектуальное и физическое напряжение.

Может быть, моя мама так и спасала меня. Излучение ее прекрасных глаз, прикосновение ее добрых рук каждую ночь возвращали меня к жизни. Я рождался вновь и вновь в тех восьми рубашках, сменяемых мамиными руками. Не покидало меня и душевное тепло моей Галочки, оберегавшей меня несколько первых ночей.

Я не был религиозным и не стал религиозным в полном смысле — посещающим регулярно церковь или синагогу для молитвы, но что-то неземное, сверхъестественное было в моем исцелении.

С детства необъяснимое волнение охватывало меня, когда я в Русском музее стоял перед картиной Александра Иванова «Явление Христа народу». Что-то возвышенно-романтическое просыпалось в душе. Еще в детстве у моего школьного друга увидел сохранившийся учебник царского времени для гимназий «Священная история» со знаменитыми иллюстрациями Гюстава Доре. Он включал в сокращении Ветхий и Новый заветы. Столь краткое изложение делало весьма очевидным: духовные ценности иудаизма передались христианству.

А уже в восьмидесятые на книжной барахолке я смог купить неканонический том Библии и зачитывался ее поэтическими страницами. К тому же к этому времени благодаря находкам в Кумранской пещере стало известно: библейские истории не просто сказания древнего народа, они реальны, ее герои — исторические персонажи. Иешуа — Иисус Христос (Спаситель, Помазанник) — жил на этой грешной Земле.

Прочел книгу Эрнеста Ренана «Жизнь Иисуса», впервые представившего нам Иисуса не пророком, не страдальцем, а мудрецом, философом, передающим безвозмездно свою мудрость жизни людям.

И вот — увидел картины певца русской природы Василия Поленова, прожившего много месяцев на Святой земле и создавшего десятки картин о жизни Иисуса Христа. В картинах этих — вся жизнь Иешуа-Иисуса с детских лет в Назарете. Образ Марии, то совсем юной, весело спешащей с Иешуа к роднику за водой, то постаревшей, страдающей над судьбой сына. Эти картины без налета иконности — портреты понятных, близких нам людей, может быть, наших современников.

Мне очень захотелось побывать на Святой земле, побродить по местам Иисуса, по Иерусалиму.

У меня была серьезная форма допуска к секретности, я был абсолютно невыездным, даже в демократические страны не мог купить путевку. В восьмидесятые—девяностые годы все изменилось: мне все же оформили загранпаспорт, растянув это мероприятие на четыре месяца. Но денег-то не было. Зарплату не платили, о реальном существовании ее напоминали только бумажные квиточки. Прекратились всякие научно-исследовательские работы, и только нескольким сотрудникам, в том числе и мне, поручались научные исследования, но уже по неотложным темам: спутниковой навигации, системам взлета и посадки, предупреждения столкновений самолетов.

Мне было уже не до научной романтики: природы памяти, голографических эффектов. Надо было как-то жить, не было денег даже на ремонт обуви, я вытачивал набойки в механическом цехе.

В это трудное время физик вдруг становится лириком. С молодости я сочинял стихи. К свадьбе подарил Галочке тетрадку стихов-посвящений. Ей нравились мои стихи, советовала показать их где-нибудь в литературных кругах. Я не считал необходимым пробиваться в литературу. Но неожиданно начал напевать свои стихи под гитару.

Песни начинающего великовозрастного сочинителя (мне было уже сорок семь лет, когда случилось это стихийное бедствие) получили неожиданное признание, передавались по радио, песни о Петербурге, о победе, о блокаде, романсы стали лауреатами конкурсов авторской песни.

И вот пришло-прибежало-нахлынуло везение: в октябре 1999 года, накануне юбилея христианства, телевидение предложило мне направиться на ежегодный фестиваль русской авторской песни в Израиле, оплатив мне только авиабилеты и выдав деньги на местного оператора для съемки этого фестиваля. Я должен был привезти фильм о фестивале.

Сотрудник режимного отдела, гордо сидящий под портретом Дзержинского, регистрируя выезд, грозно спросил:

— Куда едем?

И на мой ответ: «В Израиль» — так же грозно, немного повысив голос, спросил:

— Что делать-то будешь?

Я так же грозно произнес:

— Петь!

— Приедешь — доложишь!

«Черта с два, — подумал я, — не те времена!»

И полетел в Израиль в обнимку с гитарой. Никогда больше не видел такого скопления туристов. Нескончаемое, необозримое море экскурсионных автобусов с туристами со всего христианского мира образовалось у иерусалимских ворот. Экскурсионные группы шли по Иерусалиму одна за другой, плотной колонной без разрыва, границы группы обозначались экскурсоводами, держащими над головой солнечные зонтики, у всех разного цвета. Если кто-то терялся по дороге, то надо было забежать в ближайшее кафе или магазинчик и сообщить цвет зонтика, по которому владелец определял экскурсовода, звонил ему, и тот прибегал за потерявшимся.

Израиль энергично готовился к юбилею христианства. В ожидании множества гостей, расширяя дороги к святым местам в Назарете, Вифлееме. В старом Назарете по обе стороны дороги проживают арабы разной веры — мусульмане и христиане. Подъезжая к Назарету по расширяемой израильянами дороге, стал свидетелем, как арабы-мусульмане энергично мешают строительству дороги, не признавая праздника. Арабы-христиане пытались их образумить, и вот — рукопашные бои между арабами разной веры. Мне хотелось закричать: «Люди, опомнитесь!» Но меня бы не услышали...

Двадцать три дня, наполненных невероятной энергетикой Святой земли, провел я в Израиле. Жил в Хайфе у дочери моего одноклассника, а на пропитание заработал рядом концертных выступлений. Много иудейских и христианских святынь посетил. Дважды был в Иерусалиме у Стены Плача и в храме Гроба Господня, посетил Вифлеем — прикоснулся благоговейно к звезде у колыбели Иешуа в Вифлееме.

Неизменно носил с собой русско-английский разговорник. Но как только открывал его, ко мне подходил израильтянин и на чистейшем русском спрашивал: «Вам куда?» Запомнилась трогательная сцена в Хайфе: из девятиэтажного летно-морского училища весело вылетают после занятий мальчики и девочки в летной или морской форме с автоматами через плечо, некоторые парами, в обнимку, и болтаются у них с разных сторон эти мешающие целоваться автоматы.

Неожиданно у центральной площади в Хайфе услышал родную песню «Амурские волны» — пела красавица блондинка, голубоглазая, стоя играя на перламутровом аккордеоне. Пела замечательно, и очарованные ею говорящие на иврите, английском, арабском и русском бросали в ее копилку монетки.

И вот три дня на фестивале. Жили в палатке на берегу Галилейского моря (озеро Ки-нерет), где и проповедовал Иисус. Золотой песок, чистейшее озеро-море, высоченные сосны, необыкновенный, ласкающий, теплый в октябре воздух. Спали по три часа, всю ночь — гитара по кругу, распевали свои песни, а днем и вечером слушали множество концертных выступлений с эстрады и мое выступление с песней «Часовщик».

В последнюю ночь в этом ласкающем тело и душу сосново-морском воздухе я внезапно проснулся в непонятном беспокойстве. И вдруг — невероятное видение, невероятная догадка! Я даже испугался сначала. А потом — а кто докажет, что это не так? И может быть, тогда в Иерусалиме...

Когда небо над Иерусалимом от пронзительного черно-синего с небрежно рассыпанным серебром звезд начало постепенно мягко синеть и свет звезд становился все более далеким и матовым, Мария пришла к пещере, где был погребен ее первенец, ее Иешуа. Она пришла в субботу, священный для иудеев день, когда отменяются все дела и надо только молиться Богу. Но Мария решила, что ее приход угоден Богу, он простит ее.

Стражей у пещеры не было. Видимо, римские охранники решили, что иудеи в субботу дома или в синагоге, никто не придет к пещере, и отлучились выпить горячительного.

Ночью случилось небольшое землетрясение — камень, прикрывавший вход в пещеру, несколько сдвинулся, и образовалась на входе щель. Мария, сильно исхудавшая за последние дни, особенно после казни, невероятным усилием рук и всего тела сумела увеличить щель и протиснуть свое хрупкое тельце в пещеру.

В пещере посветлело. Она увидела сына, обвитого пеленами с благовониями по иудейскому обряду и возложенного на выдолбленное в скале-склепе ложе. Витали ароматы алоэ и мирры. Мария склонилась над Иешуа, новые седые пряди светились в том предутреннем сумраке. Глаза ее были сухими, словно пустыня, — траурных плачей совсем не осталось. Иешуа лежал спокойно — бледный, со следами запекшейся у висков крови. Мария оторвала отросток алоэ и протерла сыну виски.

Ей показалось, что голова его благодарно склонилась. Память ее открыла окно в Назарет, родной город, где она родилась и родила и нянчила своего сыночка. Вот в ярком платьице она спешит за водою под гору, обнимая рукою кувшин на плече. Маленький Иешуа прилепился к ней, держится за платьице и шествует рядом.

Ей показалось, что голова Иешуа еще больше обратилась к ней. Как будто и в сыне воскресло это воспоминание, где она красивая и молодая, вновь и вновь, изо дня в день спускается под гору к роднику, а он, не уставая, с нею. Да, да, красивая, краше всех

женщин на свете. Он всегда так ей говорил. И это осталось навечно в детской памяти, и светлая, долгая радость невероятным теплом пробежала по телу Иешуа. И от этой светлой радости дрогнуло его сердце.

Мария прильнула к его изголовью. От великой материнской любви согрелась душа его. Он очнулся. Увидел: мама совсем седая, ее всегда сверкающие очи теперь потухли. «Спаси, Адонай, — взмолилась душа его, — Марии больше, больше в смертельной печали по сыну». Он услышал тихий настойчивый голос: «Воскресни, воскресни! Воскресни, Иешуа, царь иудейский!»

И он воскрес. Медленно, как будто проснувшись от летаргического сна, поднялся и прильнул к Марии, обнимая ее, как в давние годы — счастливо, по-детски. И заплакала Мария, не скрывая своих слез.

Они вышли из пещеры — отныне святая Мария и Сын человеческий.

Такова была моя невероятная догадка, моя версия воскрешения Иисуса. Но ведь ее трудно опровергнуть. Мария Магдалина, а с ней и другие женщины пришли к пещере после святой Марии. Ее материнское сердце указывало путь к любимому Иешуа, а ее напряженное сознание, волны памяти о детстве Иешуа, волны ее голографического поля проникли в сознание ее любимого сыночка. И он воскрес, и они вышли в новую жизнь.

Я привез трехчасовые съемки о фестивале в Израиле. С тех пор мне не удавалось больше побывать на Святой земле.

Мне было уже шестьдесят три года, только два-три года стали выдавать что-то похожее на зарплату, а я хотел посмотреть мир. Я увидел много красивых городов: Париж и Прагу, Венецию и Барселону. Но что может быть дороже, красивее, загадочнее моего любимого с детства Санкт-Петербурга?!

Мне больше не пришлось ходить по этой святой земле, которая считается моей исторической Родиной, где уже наступил 5782 год, а более трех тысяч лет назад возникла иудейская религия и уже 2022 года как родилось христианство. Духовные ценности иудаизма, десять заповедей, начертанных Богом на скрижалях и переданных через пророка Моисея израильскому народу, плавно перешли в заповеди христианства.

С тех пор часто вспоминал строку из песни Юрия Визбора: «И витает надо мной христианская идея...»

С тех незабываемых дней тема христианской идеи захватила меня и навсегда соединилась с темой моего любимого города святого Петра — в моем жизнеощущении, в моих стихах и музыке.

Я сочинил цикл романсов, навеянных ароматом и ветрами Святой земли: «Рождественский романс», «Иерусалимский романс», «От любви хорошеют»... Они объединились в нотном сборнике издательства «Композитор», гармонично записались в аудиоальбом «Рождественский романс».

Если проехать дальше на север от Галилеи, к городу Цфат, где с начала XX века живет и работает колония русских художников, то дорога ведет по возвышенности, и небесно-голубой потолок так близко, что кажется — до него можно дотянуться рукой и Бог где-то рядом.

«Только руку протяни — небо, кажется, достанешь и небесные огни на простор земной доставишь, но они так далеки — лишь миражное видение...»

Увы, это мираж. Во Вселенной с ее тяжелой материей, белыми и черными пятнами, раскаленными и замерзшими планетами, с бесконечными магнитными бурями нет безопасного места для Бога.

Святая Мария и Сын человеческий научили нас: «Царство Божие» в нас самих, в наших сердцах и душах.

Те истины, что мы перечеркнули,
отныне на скрижали душ вернулись
и восклицают: «Бог — всегда любовь!»

Теперь, может быть, написал бы: «И Любовь, и Совесть, и Честь».

Иногда пытаюсь сам себе ответить на вопрос: «Почему же Петр Первый назвал город наш именем апостола святого Петра?» Может быть, в нашем суровом, дождливом, сыром климате он ощущал знойные ветры Святой земли, надеялся: эти ветры согреют нас и святые образы помогут нам жить?

И пряный запах мирры, и томный жар хамсина
таинственным обрядом в себя вселили вы
и донесли заветом от стен Иерусалима,
чтобы согреть объятая прохладные Невы.

Обостренное чувство смерти мной не завладело, но целиком во мне — обостренное чувство жизни и готовность всеми физическими и душевными силами бороться за жизнь, потому что жизнь коротка и прекрасна, потому что в ней есть высота! Моя высота, моя молитва — это безопасность полетов, мои стихи, музыка, рассказы.

Я не стал религиозным, но постепенно пионерский атеистический задор под лозунгом вождя «Религия — опиум для народа» размывался и теперь растворился в круговороте реальной жизни. С семидесятых годов мы с женой и сыном любили отдыхать в Прибалтике, тогда наиболее свободной зоне Страны Советов, строго соблюдающей религиозные католические или протестантские традиции. По воскресеньям Он и Она с детьми в праздничных нарядах торжественно направлялись на утреннюю молитву — в храм, собор, костел. Это умиляло и радовало нас — традиции скрепляли семьи, воспитывали детей...

В Израиле, прожив три недели в семье русских израильтян, я наблюдал семейное празднование Шабата. В пятницу вечером все в праздничных нарядах, мальчики в белых рубашках и темных брючках собирались за праздничным столом, муж — он же глава семьи — одаривал жену букетом цветов, занимал место во главе стола, зажигали свечи в серебряных подсвечниках по числу членов семьи, а потом приступали к трапезе — вкусной, но скромной, с некрепким, производимым в Израиле сухим вином. Конечно, меня тоже приглашали к столу. Я был тронут этим семейным обычаем, восходящим к Ветхому Завету, с радостью воспринимал этот счастливый семейный портрет.

В моей еврейско-русской семье с примесью греческой крови мы празднуем еврейскую и православную Пасху, еврейский и христианский Новый год, Рождество, но Шабат отмечать не получается: дети живут неблизко, работают с энтузиазмом и много. Отмечаем порой поздно вечером и по телефону.

Да, я не знаю ни одной молитвы, ни на одном языке. Но проходя мимо синагоги, церкви, собора, костела, мечети, твержу мой девиз, который хотел выкрикнуть в Назарете при ожесточенной драке христиан и мусульман: «Люди, опомнитесь!» Конечно, меня бы не услышали. Не услышали бы, потому что в автобусе кондиционер и окна не открываются. И порой кажется, что мы, дети разных народов и разных религий, живем и движемся с кондиционерами и не слышим друг друга. Откроем же окна!..

Ах, мир весь — оркестр, только без дирижера.
Прошу: не фальшивьте, друзья музыканты!

Тогда замиряются равнины и горы
И не пропадут ваши чудо-таланты.

А христианская идея прекрасна тем, что впечатляет более двух миллиардов землян образом человека, которому можно поклоняться. Пусть образом в чем-то сказочного, пусть из древней легенды, но жившего на Земле обетованной иудея Иисуса Христа, жизнь которого стала подвигом во имя духовного возрождения многих народов.

Живописцы разных эпох постепенно приближали образ Иешуа-Иисуса к образу современника. Мне посчастливилось увидеть картины «Тайная вечеря» кисти Леонардо да Винчи (в Милане, в росписи доминиканского монастыря), Тинторетто (в Венеции, в церкви Сан Джорджо Маджоре), Николая Ге (в родном Русском музее). Восхищался величием живописцев, порой казалось — сам присутствую в этих картинах на тайной вечере. И если у Леонардо — это еще умело, по-инженерному, с перспективой на основе «золотого сечения», выписанная икона, то у Тинторетто — уже присутствующий детали быта, фигуры динамичны, ведут активный разговор, а Николай Ге отображал в библейском сюжете современные литературно-общественные проблемы. В картине «Явление Христа народу» Александр Иванов создал типичный групповой портрет того времени: иудеи, рабы, римские воины. Иисус, с достоинством и величием проповедника, мог обращаться к народу и на древнееврейском, и на греческом, и на государственном языке Римской империи, куда входило еврейское царство, латыни. И совсем близкий нашим современникам образ Иешуа-Иисуса у Василия Polenova.

Василий Polenov по-человечески мне очень близок и симпатичен. Он также с детства был восхищен «Явлением Христа народу», также впечатлился образом Иисуса в книге Эрнеста Ренана, был очень образованным, разносторонним, демократичным. Даже сочинял музыку к своему библейскому циклу. Он влюблен в человечность, чистоту и этику учения Христа. И создал образ близкого и понятного нам, живого человека, Иисуса, называвшего себя сын человеческий, и как другие называли — сын божий.

Я верю, что Иешуа-Иисус ожил. И они вышли к людям — святая Мария и Сын человеческий, чтобы навсегда породить в нас сознание того, что «Царство Божие» в нас самих, что «Бог есть любовь». И звучит гимн-молитва во славу святой Марии «Ave Maria» на латыни, во многих вариантах музыки. Во славу тех матерей, которые, с великой любовью рождая ребенка, передадут ему часть своего биополя, голографической памяти, охраняющей сына или дочку по жизни.

«Ave Maria, gratia plena! Gratia plena! Dominus tecum...» — этой строкой молитвы заканчивается и моя песня-баллада «Мария и сын».

Иисус Христос живет среди нас в своем человеческом учении, возвышающем нас, спасающем от одиночества. А плоть человеческая, конечно, умирает. Проповедуют порой, что душа бессмертна, возносится к небесам и реинкарнирует. Но что такое душа, где она обитает в человеке? Но может быть?..

Может быть, душа — это и есть голографическое поле нейронов, и при уходе человека из земной жизни сильное голографическое поле, если оно было направлено на доброе дело, излучается во Вселенную и там объединяется с голографическим полем Вселенной, образуя из таких же родственных полей...

Но только в случае, очень надеюсь, добрых дел.

Как тогда... или как тогда в Иерусалиме.